

**МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ В 1950-Х ГОДАХ
(НА ОСНОВЕ КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ
Л. П. ЗЯБЛИНА И С. А. ПЛЕТНЕВОЙ)**

Д. А. Дружинин

Институт археологии Российской академии наук

Поступила в редакцию 16 апреля 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена методам археологического исследования древностей кочевников Восточной Европы X – начала XIII в., примененным в кандидатских диссертациях советских археологов Л. П. Зяблина и С. А. Плетневой. Рассматриваются подходы исследователей к используемым методам, попытки этнической интерпретации археологического материала.*

Ключевые слова: *методы археологического исследования, Средневековье, Восточная Европа, этническая интерпретация археологического материала, тюркские кочевники.*

Abstract: *the article is devoted to archaeological research of nomadic artifacts in East Europe in X – beginning of XIII century. These methods was applied in soviet archaeologists L. P. Zyablin and S. A. Pletneva master theses. It examines approaches to research methods and ethnic interpretation of archaeological material attempts.*

Key words: *methods of archaeological research, Middle Ages, East Europe, ethnic interpretation of archaeological material, turkic nomads.*

К 50-м гг. прошлого века была накоплена значительная база вещественных источников о кочевниках Восточной Европы X – начала XIII в., которая требовала всестороннего и подробного изучения. В 1952 г. на основе существующего материала были написаны и успешно защищены кандидатские диссертации Л. П. Зяблина «Археологические памятники кочевников X–XIV вв. Восточной Европы» и С. А. Плетневой «Кочевники южнорусских степей IX–XIII вв. (по археологическому материалу и письменным источникам)» [1; 2]. В данной работе использованы рукописи диссертаций, так как в них лучше видны подходы исследователей к решению поставленных ими задач [3; 4]. Кроме того, важным источником является стенограмма заседания Ученого совета Института истории материальной культуры АН СССР по защите кандидатской диссертации С. А. Плетневой, хранящаяся в Архиве Российской академии наук [5], стенограммы защиты Л. П. Зяблина обнаружить не удалось.

Диссертации были защищены на заседаниях ученых советов разных организаций. Л. П. Зяблин проводил защиту на Ученом совете исторического факультета МГУ, а С. А. Плетнева – на Ученом совете Института истории материальной культуры АН СССР. Архивные листы использования диссертаций показали, что этими работами неоднократно пользовались.

Научным руководителем Л. П. Зяблина был С. В. Киселев, а С. А. Плетневой – Б. А. Рыбаков (официальные оппоненты – Н. Н. Воронин и В. П. Левашова). Следует отметить, что к обеим работам имеются табличные приложения, в которых представлены данные об анализируемом археологическом материале. В диссертации С. А. Плетневой также содержится список половецких ханов, известных по письменным источникам. В текстах работ присутствуют ссылки на иллюстративный материал, однако сами альбомы с иллюстрациями обнаружить не удалось.

Задолго до Л. П. Зяблина и С. А. Плетневой древностями кочевников Восточной Европы X – начала XIII в. занимались Н. Е. Бранденбург, А. А. Спицын, Д. И. Эварницкий, В. А. Городцов и др. Однако как Зяблин, так и Плетнева отметили недочеты работ своих предшественников: недостаточный анализ погребального инвентаря, игнорирование этнографических аналогий при этнической интерпретации археологического материала, слабую обоснованность выводов [3, с. 62; 4, л. 20, 24].

Кроме того, необходимость написания новых исследований была продиктована и идеологическими задачами – появлением за рубежом работ, оценивавшихся в СССР как расистские и пантюркистские (в частности, труды Д. А. Расовского, официальная турецкая история «Tarih») [4, л. 27]. Необходимо было на основе объективных данных разработать раннюю

историю тех современных тюркоязычных народов, составными элементами при формировании которых были печенеги, торки, половцы [3, с. 6].

Однако не все исследователи видели возможность извлечь из археологического материала информацию, на основе которой можно было сделать исторические выводы. Кандидатская диссертация З. М. Шараповой «Половцы», защищенная в 1951 г. в Московском областном педагогическом институте, написана с опорой на письменные источники [6]. Автор скептически относилась к использованию археологических данных и подчеркивала бедность материала и недоказанность его связи с конкретным степным народом [6, с. 73].

Л. П. Зяблин и С. А. Плетнева представляли задачи своих исследований разным образом. Зяблин ставил целью критически пересмотреть и проверить сложившиеся теории о разделении археологических памятников степей X–XIV вв. между основными племенными группами тюркоязычных кочевников в Восточной Европе – печенегами, торками и половцами [3, с. 9]. Целью исследования Плетневой было «возможно более полное освещение кочевого (печенежского и половецкого) общества в его динамике и связи кочевнического общественного уклада с их политической историей, важнейшим фактором которой были отношения с Русью» [4, л. 4].

В связи с поставленными целями исследователи построили структуру своих работ следующим образом. У Л. П. Зяблина первая глава посвящена обзору письменных и археологических источников, а также историографии проблемы. Во второй и третьей главах представлены данные письменных источников о печенегах, гузах и половцах до их переселения в Восточную Европу и об их погребальном обряде. В четвертой главе автор выделил группы погребений и связал их с конкретными кочевыми народами. Пятая глава посвящена половецким каменным изваяниям. С. А. Плетнева в первой главе своей диссертации производила анализ погребального инвентаря и его датировку. Во второй главе, анализируя археологические материалы и письменные источники, пыталась определить этнический состав степей Восточной Европы в IX–XIII вв. В третьей главе исследовательница описывала экономический, социальный строй и культуру кочевников. Четвертая глава была посвящена истории кочевников IX–XIII вв. согласно данным письменных источников.

Таким образом, порядок использования археологических и письменных источников у археологов разный. Если Л. П. Зяблин старался сначала очертить примерный «словесный» образ кочевников, то С. А. Плетнева в первую очередь обращала внимание

на материальные свидетельства, которые хронологически вписывались в период X – начала XIII в.

База археологических источников у обоих исследований была практически одинаковой. Она состояла из материалов, полученных в результате археологических раскопок дореволюционных археологов и советских исследователей. С. А. Плетнева также использовала материалы, полученные ею в результате раскопок кочевнического могильника в Саркеле – Белой Веже. Л. П. Зяблин производил отбор необходимых для анализа погребений, которые он рассматривал как кочевнические, при помощи следующих признаков:

1. Наличие в погребении скелета или части скелета коня. В случае его отсутствия внимание уделялось предметам конского снаряжения (удилам, стремянам, седлам).

2. Ориентировка погребения на запад или восток. Все другие направления автор учитывал только при наличии сопутствующего материала (погребение коня или частей его скелета, наличие конского снаряжения).

3. Определенное оружие и предметы вооружения: железные наконечники стрел и копий, сабли, лук и берестяные колчаны (редко деревянные или полужелезные).

4. Наличие в погребении деревянных или каменных перекрытий.

5. Отсутствие глиняных сосудов.

6. Наличие серьги в виде знака вопроса или зеркала [3, с. 23–25].

С. А. Плетнева отдельно не уточнила критерии, по которым выделила кочевнические погребения. Последующий ход исследования во второй главе диссертации проясняет признаки, по которым она их отбирала.

Для анализа археологического материала оба автора использовали ряд схожих методов. Исследователи делили все кочевнические погребения по особенностям могильных сооружений и погребального обряда на ряд групп. Л. П. Зяблин создавал группы на основе сочетания основных признаков погребального обряда и вещевого материала. Совокупность всех признаков создала устойчивые группы погребений [3, с. 25–26]. С. А. Плетнева создала более детальную схему для группировки кочевнического материала. Ею выделены первичные и вторичные признаки. Первичными были ориентировка костяка и наличие в могиле костей лошади (головы и ног) или ее целого остова. Первичность данных признаков определяется тем, что исследовательница представила их как основные при разделении погребений на два отдела. Кроме того, об ориентировке погребен-

ного авторы раскопок упоминали в первую очередь. Исследовательница отмечала недостаток второго критерия, так как есть масса кочевнических захоронений без лошади, которые выпадают из группировки [4, л. 124]. Для окончательного решения принадлежности к определенной группе большое значение имеют вторичные признаки, к которым С. А. Плетнева относилась:

1. Наличие или отсутствие камней в насыпи.
2. Наличие или отсутствие земляных и деревянных сооружений в могиле.
3. Наличие или отсутствие мела и углей в могиле.
4. Формы некоторых вещей, в первую очередь удила (с перегибом или без него), височных колец, костяных украшений.

На основе первичных и вторичных признаков С. А. Плетнева выделила первый (западная ориентировка) и второй (западная, восточная, северная и южная ориентировки) отделы [4, л. 124–125]. Далее вся масса погребений была разделена на группы, внутри которых было произведено деление на типы.

Количество выделенных каждым археологом групп разное: у Л. П. Зяблина их четыре, у С. А. Плетневой – пять. Несовпадение их количества обусловлено более сложной и дробной системой группировки у второго исследователя. Наличие большого числа вторичных признаков позволило по-иному распределить погребения. Выделенные группы погребений исследователи отождествляли с конкретными народами. Л. П. Зяблин этническое отождествление каждой группы осуществлял в соответствии с историко-географическими сведениями, данными в письменных источниках [3, с. 136]. У него первые три группы соотносились с печенегами, торками и половцами соответственно [там же, с. 146, 160, 172]. Четвертая группа представляла собой поздний вариант погребального обряда тюркоязычного населения Золотой Орды [там же, с. 197].

С. А. Плетнева соотносила географическое распространение выделенных ею групп, датировку материала с данными письменных источников. Первый отдел был группой с западной ориентировкой погребений. Исследовательница выделила в первом отделе три типа погребений. Они соотносились с печенегами (первый тип), торками (третий тип) и черными клобуками (второй тип), в составе которых находились как первые, так и вторые [4, л. 137]. Второй отдел состоял из четырех групп. Первые две группы различались по ориентировке (восточная и западная), но имели схожие вторичные признаки. Исходя из того, что погребения этих групп встречались на всей территории степей Восточной Европы и датировались XI–XIII вв., Плетнева связывала их с половцами.

Группы с различной ориентировкой погребенных автор рассматривала как различные племенные объединения внутри половцев [там же, л. 172]. Выделенные внутри групп типы (в первой – 5 типов, во второй – 4 типа) отражали вариации в погребальном обряде, но не имели какой-либо этнической интерпретации. Третья группа (состояла из 6 типов) имела южную ориентировку погребенного, в могиле присутствовал бедный погребальный инвентарь. Погребения этой группы были сосредоточены в верхнем течении Северского Донца и, исходя из этого, отождествлялись с оторченным местным аланским населением [там же, л. 184–185]. Погребения четвертой группы связывались предположительно с берендеями [там же, л. 189].

С. А. Плетневой подробно рассмотрен погребальный инвентарь, для ряда предметов разработана типология (например, сабель, удила, стремян, украшений). Исследовательница подчеркивала, что картографирование различных типов вещей не привело к каким-либо ощутимым результатам, так как масса кочевнических вещей однородна и употреблялась одновременно разными народами [4, л. 48].

Л. П. Зяблин ограничился описанием материала, дав классификацию для небольшого числа вещей из третьей группы погребений (стрелы и зеркала). Оба автора датировали материал по аналогиям.

Другим важным видом археологических источников, который использовали ученые, были каменные изваяния. И в этом случае исследователи также по-разному подошли к анализу этих археологических источников.

Л. П. Зяблин собрал свидетельства о 1092 изваяниях. В их анализе основной акцент сделан на доказательстве принадлежности каменных изваяний половцам. Автор рассматривал географическое распространение изваяний, которое показывало, что они сосредоточены на определенной территории степей Восточной Европы. Локализация изваяний совпадала с половецкими кочевьями, которые известны по данным письменной традиции [3, с. 238]. Ученый опирался также на свидетельства Низами (вторая половина XII в.) и Рубрика (середина XIII в.) о половецкой принадлежности изваяний [там же, с. 240–245]. В то же время исследователь сравнивал вещи из погребений с изображениями на изваяниях, что позволило ему убедительно писать о половцах как о создателях изваяний. Время существования «половецких баб», таким образом, датировалось не ранее XI в. и не позднее XIII в. [там же, с. 270]. Все скульптуры Л. П. Зяблин разделил по форме на столбовидные и фигурные. Однако он не проводил тщательного анализа изображений и художественных элементов изваяний [там же, с. 272].

С. А. Плетнева подошла к изучению изваяний по-иному. Ею рассмотрено 106 скульптур [4, л. 42]. В отличие от Л. П. Зяблина, она не опиралась на свидетельства предшествующих исследователей, а самостоятельно изучила изваяния в ряде музеев СССР. «Каменным бабам» как особому виду источников отдельной главы автор не посвятила. В третьей главе в разделе о культуре подробно изложен анализ половецких изваяний. Исследовательница внимательно подходила к рассмотрению материала. В первую очередь она делила статуи на мужские и женские. Каждая из этих категории по форме распадалась на три раздела: стоячие, сидячие, погрудные. Подробно описаны и классифицированы изображенные на изваяниях элементы одежды, обувь, вооружение и украшения [там же, л. 259–273].

При рассмотрении женского костюма С. А. Плетнева использовала этнографические аналогии в одежде поздних тюркских кочевников. Сравнив изображения украшений и аналогичные украшения, найденные в кочевнических погребениях, она сделала вывод о том, что статуи оставлены половцами [4, л. 271–273].

Авторы указанных исследований использовали одинаковые методики исследовательской работы. Выделение типов погребального обряда, типологическое деление погребального инвентаря, этническая интерпретация археологического материала на основе сравнения датировок погребального инвентаря, ареала его распространения и данных письменных источников – все эти приемы археологической работы к моменту написания диссертаций были уже традиционными для советской археологии. Данные методики были применены как при изучении славянских древностей в работах А. В. Арциховского «Курганы вятичей» и Б. А. Рыбакова «Радзімічы» [7; 8], так и степных (кочевнических) археологических материалов Южной Сибири [9; 10]. Приемы, которые использовала С. А. Плетнева для изучения каменных изваяний, применялись Л. А. Евтюховой при исследовании подобных памятников в Южной Сибири и Монголии [11].

При одинаковых методиках, используемых Л. П. Зяблиным и С. А. Плетневой, их выводы совпали при этнической интерпретации половецких изваяний. Однако результаты выделения групп погребений и соотношение их со средневековыми кочевыми народами не совпадали. Дело в том, что работа Зяблина не содержит вещеведческого анализа всего погребального инвентаря. Выделенные исследователем типы погребений максимально обобщены. В результате работа предстает скорее как подробный исторический очерк о средневековых кочевниках с привлечением археологических материалов. Диссертация Плетневой

также имеет раздел, целиком написанный на основании письменных источников. Однако ее работа является в большей степени археологическим исследованием, в котором представлен тщательный анализ материала. В. П. Левашова отмечала, что текст диссертации чересчур перегружен детальными описаниями метода работы и что ориентация погребенного не всегда совпадает с этнической группой. Следует отметить, что в стенограмме отсутствует отзыв В. П. Левашовой, однако по ответам диссертанта можно понять замечания оппонента. Плетнева соглашалась с оппонентом в том, что ориентация погребенного может не совпадать с определенным этносом [5, л. 33–34, 35]. Другой оппонент, Н. Н. Воронин, в целом положительно отзывался о работе и отметил, что С. А. Плетнева заслуживает присуждения ей степени кандидата исторических наук [5, л. 21]. При этом он отмечал, что главным недостатком работы была конструкция. Н. Н. Воронин предлагал сделать из третьей и четвертой глав несколько глав с хронологическим расположением материала, где бы последовательные этапы истории кочевников были даны в синхронной увязке с отношениями к Руси [5, л. 21, 26]. Кроме того, он выделял ряд мелких недочетов [5, л. 26–30].

В дальнейшем проблематикой средневековых кочевников Восточной Европы Л. П. Зяблин не занимался. Его диссертационная работа не была опубликована. С. А. Плетнева в 1958 г. несколько переработала и издала свою диссертацию в виде статьи «Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях» в сборнике «Материалы и исследования по археологии СССР» [12]. В данной развернутой публикации были учтены замечания В. П. Левашовой и внесены изменения с целью упрощения структуры текста. В частности, автор упразднила деление погребений на два отдела. В статье погребения кочевников разбиты на 5 групп без деления внутри них на типы. Первые три группы соответствуют печенегам, торкам и черным клобукам, которые в диссертации отождествлялись с определенными типами внутри группы с западной ориентировкой первого отдела. Четвертая группа соответствовала половцам, а пятая – отюрченному аланскому населению Северского Донца. Внесенные изменения привели к облегчению восприятия научного текста. Выводы в статье полностью соответствуют выводам диссертации.

В советской археологии исследования Л. П. Зяблина и С. А. Плетневой явились обобщающими работами по кочевникам Восточной Европы X – начала XIII в. Они стали основой для многих последующих исследований. Дальнейшая разработка данной проблематики требовала накопления новых археологических материалов и применения новых методических приемов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зяблин Л. П. Археологические памятники кочевников X–XIV вв. Восточной Европы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. П. Зяблин. – М., 1952.
2. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей IX–XIII вв. (по археологическому материалу и письменным источникам) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. А. Плетнева. – М., 1952.
3. Зяблин Л. П. Археологические памятники кочевников X–XIV вв. Восточной Европы : дис. ... канд. ист. наук (рукопись) / Л. П. Зяблин. – М., 1952 // Рос. гос. библиотека.
4. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей IX–XIII вв. (по археологическому материалу и письменным источникам) : дис. ... канд. ист. наук (рукопись) / С. А. Плетнева. – М., 1952 // Архив Ин-та Археологии Рос. акад. наук. – Ф. 2. – Д. 1109. – Л. 392.
5. Стенограмма заседания Ученого совета Института по защите кандидатской диссертации С. А. Плетневой и выдвижению на Сталинскую премию книги А. Н. Зографа «Античные монеты» // Архив Рос. акад. наук. – Ф. 1909. – Оп. 1. – Д. 199. – Л. 57.
6. Шарапова З. М. Половцы : дис. ... канд. ист. наук (рукопись) / З. М. Шарапова. – М., 1951 // Рос. гос. библиотека.
7. Арциховский А. В. Курганы вятичей / А. В. Арциховский. – М., 1930.
8. Рыбакоў Б. А. Радзімічы / Б. А. Рыбакоў // Працы секцыі археолёгіі. – Минск, 1932. – Т. 3.
9. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири / С. В. Киселев // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1949. – № 9.
10. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири / С. В. Киселев. – М., 1951.
11. Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии / Л. А. Евтюхова // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1952. – № 24.
12. Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях / С. А. Плетнева // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1958. – № 62.

*Институт археологии Российской академии наук
Дружинин Д. А., аспирант
E-mail: dmitrdruzhinin@yandex.ru
Тел.: 8-905-053-94-63, 8-917-529-01-57*

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
Druzhinin D. A., Post-graduate Student
E-mail: dmitrdruzhinin@yandex.ru
Tel.: 8-905-053-94-63, 8-917-529-01-57*